

ИГОРЬ СДВИЖКОВ

В ИЮЛЕ 1942

ОБОРОНА КАСТОРНОГО. ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

ПЯТЫЙ РИМ

Игорь Сдвижков

**В июле 1942. Оборона
Касторного. Правда и вымысел**

Издательство «Пятый Рим»

2019

УДК 355/359
ББК 68

Сдвижков И. Ю.

В июле 1942. Оборона Касторного. Правда и вымысел /
И. Ю. Сдвижков — Издательство «Пятый Рим», 2019

ISBN 978-5-9500937-1-5

В самые первые дни наступательной операции «Блау» ударные части вермахта, рвавшиеся на восток, были остановлены около поселка и станции Касторное. Именно здесь получила боевое крещение прославленная 284-я стрелковая дивизия, которой командовал будущий герой Сталинграда — подполковник Батюк. Бойцы, командиры и политработники дивизии проявили в этих боях настоящие мужество и самоотверженность и в самых тяжелых условиях, смогли задержать сильного и опытного врага, так и не пропустив его через свой рубеж обороны. Автор дает в книге объективную картину событий, впервые привлекая советские и немецкие документы. Он подробно разбирает ход боев, анализируя планы сторон, их действия, достигнутые результаты и потери. В результате у любителей военной истории появилась возможность в деталях ознакомиться с историей короткого, но ожесточенного сражения за Касторное в июле 1942 г., отделяя при этом правду от вымыслов. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355/359

ББК 68

ISBN 978-5-9500937-1-5

© Сдвижков И. Ю., 2019

© Издательство «Пятый Рим», 2019

Содержание

Введение	6
Начало вражеского наступления	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Игорь Юрьевич Сдвижков
В июле 1942. Оборона
Касторного. Правда и вымысел

© Сдвижков И. Ю., 2019

© Издательство «Пятый Рим»™, 2019

© ООО «Бестселлер», 2019

Введение

Одним из значимых эпизодов истории боевых действий в июле 1942 года на воронежском направлении являются бои за станцию и поселок Касторное. С одной стороны, в этих боях во многом отразились характерные черты общего хода боевых действий того периода, но, с другой стороны, в них проявились и особенности, явно отличавшие оборону Касторного от предшествовавших ей оборонительных боев в ходе начавшегося летом 1942 года немецкого стратегического наступления – операции «Блау». Тема представляет интерес еще и потому, что позволяет не только наглядно показать субъективность и противоречивость оценок одних и тех же событий разными людьми, но и дает возможность с помощью сохранившихся источников (что относительно боев того периода является редкой удачей) подробно проанализировать их реальный ход и объективно оценить их итоги и значение.

Поселок Касторное находится примерно в 70 км к западу и северо-западу от Воронежа. Через Касторное проходят две железные дороги: Москва – Донбасс с севера на юг и Курск – Воронеж с запада на восток, что делает поселок важным железнодорожным узлом, состоящим сразу из трех железнодорожных станций: Касторной Курской, Касторной Восточной и Касторной Новой. Местность в районе Касторного и на подступах к нему представляет собой всхолмленную, почти безлесную равнину, пересеченную долинами и оврагами с узкими неглубокими речками и ручьями. Через поселок в общем направлении с юга на север протекает река Олым.

Перед началом немецкого наступления летом 1942 года Касторное находилось примерно на полпути от линии фронта до Воронежа. До прифронтовой станции Черемисиново, западнее которой и проходила тогда передовая, отсюда было около 60 км.

Касторненский железнодорожный узел находился в тылу 40 А Брянского фронта, части которой с зимы занимали оборону по общему рубежу реки Тим и западнее ее. Непосредственно в самом поселке полевых частей Красной армии, кроме подразделений железнодорожных войск, а также различных тыловых служб и учреждений, не было вплоть до двадцатых чисел июня. Затем, очевидно в связи с захватом нашими войсками секретных немецких документов с планом летнего наступления противника на воронежском направлении¹, правый фланг 40 А был усилен резервными соединениями, которые должны были создать достаточную глубину обороны на выгодных рубежах, а также подготовить контрудары по мотомехчастям врага в случае их прорыва на восток. В числе переброшенных на угрожаемое направление частей была и 284 сд, которая находилась в резерве Брянского фронта и получила приказ оборонять Касторное.

284 сд проходила формирование в городе Томске с декабря 1941-го по март 1942 года и была в основном укомплектована молодежью из Сибири. Как пишет исследователь боевого пути дивизии Г. Хоботов, в дивизию *«пришли служить парни из таежных городов и сел, среди призывников было много охотников, хороших стрелков, физически закаленных людей»*².

С начала февраля 1942 года командиром 284 сд стал 36-летний подполковник Батюк³. В Красной армии он служил с 1927 года и за 15 лет прошел путь от рядового до комдива. При этом никакого военного образования, кроме 8-месячных курсов комсостава «Выстрел», за его плечами не было, в гражданской же жизни, после того как ему пришлось бросить школу и

---

¹ Об этом подробно написано в статье «Дело майора Рейхеля», опубликованной в журнале «Военно-исторический архив», № 6–8 за 2003 год, а также на сайте «Международный военный форум» (<http://imf.forum24.ru/?1-17-0-00000048-000-0-0-1255552329>).

² Г. Ю. Хоботов. Касторное в огне. М., 2008. С. 10.

³ В. С. Яцкевич. Сибирская гвардейская. Западно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 15.

уехать в 1919 году на заработки в Харьков, он до призыва в армию работал каменщиком⁴. Как пишет Г. Хоботов, «главной военной “академией” стали для него казармы, военные городки, строевые плацы, учебные поля, полигоны, стрельбища»⁵.

Н. Ф. Батюк участвовал в походе Красной армии в Западную Украину и Белоруссию и в Зимней войне, а Великую Отечественную встретил командиром полка на Северо-Западном фронте. В катастрофических условиях начала боевых действий, оказавшись в районе наступления немецкой танковой группы из состава ГА «Север», он проявил незаурядную волю и самообладание, сохранил управление подчиненными ему частями и, оказывая врагу упорное сопротивление, неоднократно выводил их из окружения. После ранения в сентябре 1941 года он был на излечении в госпитале, затем, в январе 1942 года, назначен начальником командирских курсов «Выстрел» и, пробыв в новой должности около двух месяцев, получил под командование формировавшуюся 284 сд⁶.

Ветеран 284 сд В. С. Яцкевич пишет в своей книге:

«В личном деле Н. Ф. Батюка, хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны СССР, имеется боевая характеристика от 11 декабря 1941 года, подписанная командующим войсками 27-й армии генерал-майором Берзариным и членом Военного совета этой армии бригадным комиссаром Рудаковым. Привожу выдержку из нее: “...Майор тов. Батюк в должности командира 89-го стрелкового полка с первого дня войны с немецкими фашистами неоднократно выполнял ответственные задачи. В боях полк наносил большие потери врагу. В ряде боев лично выдвигался вперед, увлекая за собой бойцов, одновременно не теряя управление полком. В критические моменты боя спокоен, не теряется и не теряет управление частью. Тактически подготовлен хорошо. Решение на бой принимает правильно, обоснованно. Дисциплинирован, требователен к себе и подчиненным. За отличие в боях и за успешное выполнение боевой задачи в районе Каменки в первых числах августа представлен к правительственной награде.

Должности командира полка вполне соответствует, достоин выдвижения на высшую должность”»⁷.

О комиссаре дивизии К. Т. Зубкове известно гораздо меньше. До назначения в 284 сд он был комиссаром эвакуированного в Томск Белоцерковского военно-пехотного училища. В. Яцкевич вспоминал, что «бригадный комиссар был необыкновенной души человек, интересный собеседник, обладал энциклопедическими знаниями. Он заражал людей энергией, уверенностью в успехе. За ним, не раздумывая, шли, как говорят, в огонь и воду»⁸.

284 сд прибыла на Брянский фронт 16 апреля 1942 года и с 23 апреля находилась в составе 13 А, затем, с 1 мая, вошла в состав 48 А, где в течение пяти дней занимала оборону на одном из участков фронта, вела перестрелку с противником и получила первый, хотя и очень ограниченный, боевой опыт. Затем, 22 июня, дивизию вывели из состава 48 А и срочно перебросили в район Касторного⁹. Начиная с вечера 23 июня части дивизии начали занимать оборону на новых рубежах, отрывать окопы, готовить основные и запасные позиции, строить дзоты и блиндажи^{10, 11}.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Г. Ю. Хоботов. Касторное в огне. М., 2008. С. 10.

⁶ Там же. С. 18.

⁷ В. С. Яцкевич. Сибирская гвардейская. Западно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 18.

⁸ Г. Ю. Хоботов. Касторное в огне. М., 2008. С. 22.

⁹ ЦАМО, фонд 79 гв. сд, опись 1, дело 7, лист 3.

¹⁰ ЦАМО, фонд 202, опись 5, дело 337, л. 28.

¹¹ 284 сд прибыла на Брянский фронт в составе 1043 сп (командир – майор Ульянов Н.С., военком – батальонный комиссар Жук С.Х), 1045 сп (командир – подполковник Фирстов Г.В., военком – батальонный комиссар Соловьёв А.А.), 1047 сп (командир – майор Метелев, военком – батальонный комиссар Мамонтов А.А.), 820 ап (командир – майор Ерин Г.А., военком

Опытных офицеров в дивизии, пишет Г. Хоботов, было очень мало, всего несколько человек. *«Командирами у артиллеристов становились курсанты 1-го Томского артиллерийского училища. Не закончив обучения, по одному-два человека из каждой учебной батареи, отобранные преподавателем тактики старшим лейтенантом Овсянниковым, они прибыли в формирующуюся 284-ю стрелковую дивизию уже лейтенантами»*¹². Причем, имея практически одни и те же знания и опыт, а вернее сказать, вообще не имея к тому времени какого-либо значимого боевого опыта, взятые прямо из училища курсанты получили в дивизии должности от командира взвода до командира батальона. Так, например, В. Яцкевич пишет, что сам он стал командиром роты, его товарищ – командиром взвода в этой роте, а другой их сокурсник стал сразу командиром всего их батальона¹³.

После войны один из ветеранов дивизии Н. Аксенов писал: *«С горечью вспоминаешь, как слабо в начале войны у нас было поставлено боевое обучение новобранцев. Во время “боевой” учебы в Томске и на учениях вместо танка был фанерный щит, в который бойцы бросали не гранаты, а деревянные болванки. На занятиях боевые гранаты ни один человек в руках не держал. Каждая граната была на строгом учете. При обучении стрельбе из винтовки полагалось лишь по три патрона на человека. Из противотанковых ружей (ПТР) по одному патрону. Сколько же необученных людей отправляли на фронт, а потом и в бой! На войне закон простой: “Кто плохо обучен, тот расплачивается кровью”. Из 1033 командиров хорошо обученных было лишь 357, что тоже было одной из причин тяжелых потерь в дивизии»*¹⁴.

(В сущности, слова Аксенова убедительно подтверждаются первым боевым опытом и потерями только что прибывшей на фронт 284 сд. Бывший комиссар штаба дивизии А. П. Левыкин впоследствии вспоминал: *«Апрель месяц мы возводили на участке елецкого направления оборонительные укрепления переднего края обороны. В активных боях не пришлось участвовать, но во время рекогносцировки были убиты три наших командира и 14 красноармейцев. Они шли к переднему краю демаскированно. Противник наблюдал за ними и начал бить из пулеметов. В результате вышли из строя 17 человек»*¹⁵.)

В сборнике исторических материалов 284 сд сохранились интересные подробности подготовки дивизии к обороне Касторного. В своей статье младший политрук Яблоков рассказывал:

«26 июня 1942 г. Сегодня прибыли на станцию Касторное. Не видя никакой опасности, из вагонов выгружались медленно. Бойцы задавали свой обычный вопрос проходившим возле вагонов железнодорожникам: “Далеко ли фронт?”, “Часто ли фрицы делают налеты?” и пр.

Плескаясь мутной водой в реке Олым, инструктор пропаганды политрук Ракитянский недовольно ворчал: “Загнали куда-то в тыл, тут, пожалуй, просидишь до осени...”

“Успокойся, Вася, придет время, и мы будем драться, не волнуйся, пожалуйста!” – успокаивал его комбат Никитеев.

Сидя на берегу, я рассматривал Касторное. По улицам проходили женщины, играли дети, непрерывно сновали грузовики, ученики с маленькими пузатыми портфелями, оживленно обмениваясь словами, шли в школу. (Странно. Зачем шли в школу ученики с “пузатыми портфелями” 26 июня, когда учебный год к тому сроку должен был бы давно закончиться? Может, школы восполняли пропущенные во время зимних боев и немецкой оккупации недели? Или младший политрук просто ошибался, когда писал свою статью в начале нового учебного года? – И. С.)

– батальонный комиссар Михеев С.Е.) и других более мелких подразделений, имея 11415 человек личного состава (около 90 % штатной укомплектованности).

¹² Г. Ю. Хоботов. Касторное в огне. М., 2008. С. 10.

¹³ В. С. Яцкевич. Сибирская гвардейская. Западно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 13.

¹⁴ Г. Ю. Хоботов. Касторное в огне. М., 2008. С. 61.

¹⁵ Архив ИРИ РАН, фонд 2, раздел 1, опись 31, дело 19, л. 1.

На станции жили обычной мирной жизнью. Бойцов томили сомнения, всем страшно хотелось в бой. Те бои, которые нам приходилось вести, они явно не удовлетворяли нас. Все желали большого боя, где можно было бы “почесать кулаки как следует”...»¹⁶

На каких позициях заняла оборону 284 сд под Касторным? К сожалению, архивные документы тех жарких дней недостаточно информативны, и потому в этом вопросе приходится обращаться к написанным много позже материалам конференции по обобщению боевого опыта либо к книге В. Яцкевича¹⁷. «Оборонительные рубежи под Касторным возводились прежде всего как противотанковые. Сам поселок с его железнодорожным узлом находился в котловине. Поднявшись по кручам, можно было увидеть широкую степь. На западе она холмилась, там было много оврагов, безымянных речушек. Заманчиво было использовать в интересах обороны эти свойства местности. В этой связи командование приняло решение прежде всего выдвинуть оборонительные рубежи на несколько километров западнее Касторного. Оборона создавалась круговая и эшелонированная. Укреплялись все возвышенные места, высотки, бугорки, овраги и находившиеся в полосе обороны села, деревни, хутора, сама станция.

Наш полк (1043 сп. – И. С.) занял оборону между селами Гурьевкой и Егорьевским. В случае отхода частей 40-й армии нам предстояло сдерживать противника и дать возможность отступающим занять новый рубеж обороны на восточном берегу Олыма.

Левее окопался 1045-й стрелковый полк. Справа его оборона упиралась в безымянную речушку у Егорьевского, слева были деревня Евгеньевка и еще одна безымянная речка. Еще левее оборону занял учебный батальон, который оседлал две железные дороги, идущие: одна – с юга на Касторное, другая – на Воронеж и Курск. Один батальон 1047-го полка занял оборону на западной окраине Касторного, два других – на восточном берегу Олыма. Они служили резервом командира дивизии. Эти два батальона при помощи местного населения возводили оборонительные рубежи по берегу Олыма. Окопы, ходы сообщения, одиночные ячейки, укрытия для техники были открыты в полный профиль. Создавались и более прочные огневые точки. В обороне 1043-го полка было, например, сооружено двадцать три дзота. По траншеям можно было дойти от передней линии обороны до командного пункта дивизии. Это впоследствии помогло при маневрировании силами дивизии. Непосредственно на переднем крае в каждом батальоне имелось по два противотанковых орудия. Примерно в восьмистах метрах от передовой размещались противотанковые узлы по четыре-пять орудий. Вся остальная артиллерия дивизии предназначалась для противотанкового заградительного огня.

Предусматривались еще и подвижные резервы. У командира дивизии это был саперный батальон. Саперы на машинах, вооруженные противотанковыми минами и бутылками с горючей смесью, могли перебрасываться практически в любом направлении для борьбы с немецкими танками. У командиров полков в резерве находились роты противотанковых ружей. По ходам сообщений они также могли выйти на любой участок обороны. На танкоопасных направлениях устанавливались минные поля. Заминировали также все овраги, пересекающие оборону дивизии. Из них крупные в районе Сергеевки, перед Егорьевским и вдоль железной дороги на Щигры.

Перед разведывательным отделением своего штаба подполковник Батюк поставил задачу – за районом обороны дивизии на расстоянии 15–20 километров от переднего края в сторону Щигров, Тербунов, Горшечного и Воронежа заблаговременно устроить укрытия и выслать туда разведгруппы, чтобы, в случае прорыва обороны 40-й армии и движения про-

¹⁶ Архив ИРИ РАН, фонд 2, раздел 1, опись 31, дело 22, л. 4.

¹⁷ Надо сразу сказать, что относиться к этой книге как к свидетельству следует с большой долей осторожности, как по объективным, так и по субъективным причинам, особенно в плане описания общего хода боевых действий, потерь противника, степени осведомленности автора о решениях командования и его личного участия (и заслуг) в боях... К тому же описание В. Яцкевича во многом взято именно из материалов августовской конференции командования 284 сд.

тивника в сторону Касторного и дальше, каждый его шаг был известен командованию дивизии.

Некоторые командиры отнеслись к этой “затее” скептически. Они считали, что нельзя и мысли допускать о возможности прорыва немцев к Касторному. Комдива решительно поддерживал комиссар дивизии¹⁸. Выступая на совещании комиссаров полков и отдельных подразделений, К. Т. Зубков заявил: “Дело в том, что мы, строя оборону, должны предвидеть и худший вариант. А раз это так, то противоядие должно быть выработано во всей системе нашей обороны”.

Не прекращалась боевая учеба. В полках шли учения рот и батальонов. Отрабатывались задачи наступления и обороны. Объявляли несколько боевых тревог на переднем крае. Проводились стрельбы из всех видов стрелкового оружия и артиллерии. Особенно тщательно изучались приемы борьбы с танками. С истребителями танков проводились семинары.

Командиры и политработники делали все возможное, чтобы личный состав во всеоружии подготовился к первому бою с врагом. Дивизия не имела боевого опыта. Поэтому вопрос, как поведут себя бойцы, сержанты и старшины, а также молодые командиры в бою, не сходил с повестки дня. Прибывшие из госпиталей воины по указанию политотдела делились опытом ведения боевых действий¹⁹.

Однако почему некоторые командиры могли высказывать сомнения в необходимости тщательной подготовки оборонительного рубежа? Конечно, всех планов и решений вышестоящего командования они знать не могли, но здесь, пожалуй, надо принимать во внимание два важных фактора. Во-первых, после того как враг был отброшен зимой от Москвы и фронт пошел на запад, в Красной армии, да и в стране в целом, люди воспряли духом, поверили в возможность разгрома, казалось, непобедимых до того фашистских войск и достижения скорой победы. В немалой степени этому способствовал первомайский приказ наркома обороны № 130, где товарищ Сталин предрекал, что 1942 год станет годом окончательного разгрома врага. Застопорившееся весной контрнаступление воспринималось многими не более как передышка, за которой последует новое широкомасштабное наступление Красной армии и изгнание немецких полчищ с захваченной ими в 1941 году советской земли. Радио и печать в духе сталинского приказа были полны оптимистичных, если не сказать бравурных, материалов с огромными цифрами потерь противника, заявлениями о его подорванной боевой мощи и данными о быстро возрастающих силах Красной армии. Поэтому общим настроением у прибывающих на фронт недавно сформированных частей было ожидание летнего советского наступления.

Во-вторых, дивизия находилась не на передовой, а в относительно глубоком тылу, за десятки километров от фронта, имея впереди себя другие части. Предположить в этих условиях, что ослабленный зимними поражениями враг сможет перейти в решительное и мощное наступление, прорвать укреплявшуюся несколько месяцев оборону, разбить наши передовые части и быстро выйти на тыловой рубеж, было весьма непросто.

Вероятность такого развития событий казалась бы офицерам дивизии еще меньшей, если бы они знали, что между противником и 284 сд находятся три (!) оборонительных рубежа, занятые войсками (15 и 121 сд на передовой, части 111 сбр в ближнем тылу 40 А и 119 сбр на рубеже реки Кшень). Оборонительный рубеж 284 сд на реке Олым был к началу боев на воронежском направлении четвертым по счету! И это не считая танковых корпусов и отдельных танковых бригад, которые вместе с другими резервными частями должны были в случае прорыва врага нанести по нему мощные контрудары еще в пределах армейской оборонительной полосы. Так что определенные основания для сомнений в необходимости тщательного оборо-

---

¹⁸ Это заявление В. С. Яцкевича вызывает сомнения, но об основании этого предположения речь пойдет позже.

¹⁹ В. С. Яцкевич. Сибирская гвардейская. Западно-Сибирское книжное издательство, 1984. С. 26–27.

дования оборонительного рубежа за 60 км от фронта у некоторой части комсостава, конечно, были.

Тем не менее, как следует из документов и воспоминаний участников тех событий, оборонительные работы велись практически непрерывно на протяжении всей недели, что отделяла прибытие дивизии в Касторное от ее первого боя. За эти семь относительно спокойных (если не считать налетов вражеской авиации) дней личный состав 284 сд как следует зарылся в землю и оборудовал хорошо развитые оборонительные позиции, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль в боях.

Начало вражеского наступления

29 июня 1942 года ударные части немецкой группы армий «Юг» перешли в наступление из района восточнее Курска. Началась операция «Блау» – стратегическая кампания вермахта на Восточном фронте. Уже в первый день наступления немецкие танковые и моторизованные дивизии прорвали оборону на стыке 13 и 40 А Брянского фронта, прошли с боями около 30 км и к вечеру достигли реки Кшень, то есть вступили в бой на третьем оборонительном рубеже 40 А. КП штаба армии в Ефросимовке подвергся массированным бомбардировкам вражеской авиации, затем попал под удар прорвавшихся к деревне немецких танков и едва успел избежать полного разгрома, «отскочив» в последний момент на восток в деревню Быково. При этом в результате поспешного перебазирования связь была нарушена, а управление войсками армии во многом потеряно.

Оставшись без связи и твердого руководства со стороны вышестоящего командования, части 40 А начали малоуправляемый (а где-то и вообще неуправляемый) отход в тыл.

29 июня, на второй день боев, обстановка ухудшилась. КП 40 А вечером опять попал под удар вражеской авиации и прорвавшихся к Быково немецких танков и спешно перебазировался еще дальше на восток – в Нижнедевицк. Потеряв в результате отхода и бомбардировок значительную часть средств проводной и радиосвязи, штаб 40 А утратил возможность оперативного реагирования на ход боевых действий соединений армии, и те, в сущности, оказались предоставлены сами себе. Посылаемые через офицеров связи донесения из частей и приказы вышестоящих штабов в лучшем случае запаздывали в условиях быстро менявшейся оперативной обстановки, в худшем – не доходили до адресатов вообще. Оказавшись под ударами быстро продвигавшихся танковых и моторизованных дивизий врага, части правого фланга 40 А стали самостоятельно отходить на восток.

28 июня, в первый день наступления противника, 284 сд понесла свои первые потери еще до вступления в бой. В 9:15 утра 15 немецких самолетов совершили налет на станцию Касторное, а при возвращении обратно 7 из них атаковали район расположения КП дивизии. КП был прикрыт взводом отдельной зенитной батареи, который открыл огонь по атакующим самолетам. Обнаружив орудия, два немецких летчика спикировали прямо на позицию зенитного взвода, открыв по ней шквальный пулеметный огонь. В результате из находящихся у орудий зенитчиков 9 человек были ранены, из них трое – тяжело. На следующий день от полученных ранений все они скончались, в том числе и заместитель командира батареи лейтенант Кожемякин. Таков был первый жесткий опыт борьбы с воздушным противником²⁰.

В тот же день находившаяся правее дивизии 115 тбр, что была в резерве фронта, получила приказ срочно сняться с занимаемого района и ускоренным маршем выдвигаться в район Ефросиновки. Вечером танки бригады прошли колонной через Касторное на глазах у многих бойцов и удалились на юг²¹. К вечеру на занятые дивизией позиции стали во все более возрастающем количестве выходить группами и в одиночку бойцы и командиры из действующих впереди частей. Они рассказывали об идущих впереди тяжелых боях с врагом.

Начальник политотдела 284 сд батальонный комиссар Ткаченко писал 29 июня 1942 года: *«В течение дня наблюдался поток дезорганизованных подразделений 121 сд, в беспорядке отходящих через расположение нашей дивизии. Для ликвидации общения личного состава нашей дивизии с отходящими бойцами по приказу комдива приняты меры сбора этих людей и его организованной отправки в тыл нашей дивизии»*²².

---

²⁰ ЦАМО, фонд 202, опись 5, дело 428, л. 16.

²¹ ЦАМО, фонд 115 тбр, опись 1, дело 4, л. 2.

²² ЦАМО, фонд 202, опись 36, дело 179, л. 5.

Г. Хоботов, беседовавший с ветеранами 284 сд, пишет: *«Люди бежали с испуганным выражением лица, часто без ремней и оружия. Вначале их стали задерживать, чтобы усилить оборону дивизии на флангах. Но неизвестно было, как поведут себя в семье сибиряков эти бойцы, морально надломленные отступлением, не подведут ли они в бою.*

Поступил приказ не препятствовать движению в тыл: там из отступающих будут формироваться новые подразделения. Тяжело было на душе сибиряков. Они с укором смотрели на отступавших бойцов, понуривших головы, но духом не пали, еще сильнее сжимали в руках свое оружие.

«А я бы их не пропустил, – указывая на проходящую группу красноармейцев, сказал молодой боец. – Посадил бы в окопы, пусть себе постреливают».

В разговор вступил старшина Кичигин. Он уже прошел действительную службу, не раз хаживал по тайге с ружьем и знал цену товарищества. «Я не помню, где читал, – раздумчиво сказал старшина, – но хорошо запомнил слова: трусливый друг страшнее врага; на друга надеешься, а врага опасаясь. Попадись в нашу роту хоть один трус, в горячке боя он нас всех подведет. Скатертью им дорога!» – старшина выругался и пошел вдоль траншеи»²³.

Следует внести существенное уточнение в это описание ветеранами 284 сд наблюдавшегося ими отхода наших бойцов из других частей, ибо их (ветеранов) восприятие происходящего было весьма субъективным и не вполне справедливым по отношению к отходящим. Далеко не всегда отход объяснялся трусостью, как, судя по описанию Г. Хоботова, зло и пренебрежительно считали тогда в еще не вступившей в бой 284 сд. Более того, через несколько дней бойцы и командиры дивизии получили возможность убедиться в этом сами!

Главной причиной беспорядочного отхода наших частей была потеря управления средним и старшим комсоставом, и в первую очередь – командованием 40 А. О том, что происходило в те дни на фронте, можно судить по донесениям работников политуправления Брянского фронта, посланных в армию с началом боев. Для понимания происходящего эти документы являются очень важными, ибо они были написаны не командованием частей, объективно заинтересованным показать свои действия в лучшем виде, а независимыми наблюдателями, в задачу которых входило точно и правдиво информировать вышестоящее начальство о действительном положении дел в войсках. К тому же, в отличие от мемуаров и воспоминаний, записанных, как правило, без уточнения и проверки их документами через десятилетия после окончания войны, когда что-то забылось, а что-то вспоминалось весьма избирательно и (или) было вообще искажено, эти донесения составлены по горячим следам, что делает их ценность еще большей.

Командированный в ВПУ (Военно-полевое управление; в некоторых документах расшифровывается как «Вспомогательный пункт управления») Брянского фронта в Касторное старший батальонный комиссар Морозов писал:

«В течение ночи 29 на 30 июня в направлении Касторное проходили бойцы мелкими группами, неорганизованно, встречались и командиры из 121, 160 сд. Эти бойцы были мною направлены в 169 запасной полк 40 армии, взяты на довольствие и организованы в подразделения. Как правило, бойцы заявляли, что часть разбита, а остальные неизвестно куда ушли. Надо полагать, что в этих дивизиях не совсем благополучно поставлено дело с организацией вообще и, в частности, заградительных отрядов»²⁴.

«Штабом 40 армии не выполнялись указания военсовета о руководстве своими частями. Руководство штабом затруднялось, так как оно находилось в 60 километрах от своих частей в Хохле. Плохо организовали работу заградотрядов и сбора отходящих бойцов. Бойцы шли большими и малыми группами, часто не зная куда идти. Примером отсутствия достаточной

²³ Г. Ю. Хоботов. Касторное в огне. М., 2008. С. 27.

²⁴ ЦАМО, фонд 202, опись 36, дело 129, л. 187.

организации является то, что Большеполянский райвоенком собрал команду красноармейцев частей 15 и 121 сд до 1000 человек. Нами была установлена группа красноармейцев 15 сд в селе Каменка, которые двигались на восток. Движение бойцов в одиночку и мелкими группами на восток объясняется не трусостью или желанием дезертировать с поля боя, за исключением отдельных лиц, а тем, что командиры в трудных условиях обстановки теряют управление, не держат в руках свои подразделения, не указывают где собраться в случае отхода, не указывают новый оборонительный рубеж. Это подтверждается тем, что бойцы при отходе идут с оружием, а некоторые бойцы с двумя винтовками».

Дезорганизация управления войсками 40 А привела к тому, что тысячи бойцов самостоятельно отходили в тыл и были потеряны для своих командиров в самые напряженные дни боевых действий, еще больше подрывая боеспособность уже потрепанных в первых боях подразделений. Потери пропавшими без вести явно были в те дни намного больше, чем потери убитыми и ранеными.

К сожалению, для достоверного описания того, что происходило тогда на фронте 40 А, после войны не нашлось своего Симонова, и никто из отступавших к Касторному не опубликовал впоследствии мемуаров. Тем более ценными являются сохранившиеся свидетельства очевидца тех событий, которые, в отличие от сухого языка военных сводок, дают нам возможность увидеть их в красках и деталях.

Батальонный комиссар Никулин, который, как и комиссар Морозов, был командирован в 40 А политуправлением Брянского фронта, писал: «28 июня 1942 г. В 14:30 я в числе группы полкового комиссара тов. Федосова из гор. Ельца выбыл в командировку до 6 июля в части 40 армии. В политотделе 40 армии мне дают задание 29 июня с полковым комиссаром тов. Федосовым выехать вместе с работниками политотдела 40 армии в 119 сбр, которая по предположению должна быть в районе ст. Кшень (западнее Касторного). Средств передвижения не было предоставлено. Мы выбыли на станцию Горшечное в 12:00 29 июня и прибыли в Касторное в обед 30 июня и пошли пешком, железная дорога была нарушена бомбежкой. Представитель 40 армии от нас оторвался и в 119 сбр не явился. По прибытии на станцию Касторная Восточная в ее районе и в селе Касторное были группы бойцов, командиров и политработников уже участвовавших в боях 27 и 28, 29 июня, оторвавшихся от частей 197 сп, 525 ап, 111 сбр, 121 сд, 6 сд, которые расположились, не маскируясь, кругом станции и села, ожидая обеда от столовой продовольственного пункта. Вместе с комендантом станции и начальником гарнизона Касторное было организовано питание и рассредоточение этих неорганизованных войск, назначение старших, отправления с ними команды в расположение своих частей, которые находятся западнее и севернее Касторной.

Мне удалось установить, что части 119 сбр вели бой в районе Марьино, западнее Касторное 17 км и что они отходят в Касторное. Это был доклад помощника командира 119 сбр по хоз. части капитана Горбачева, который доложил мне, что командир бригады убит, что нам здесь делать нечего, надо отходить. Я задержал капитана Горбачева, обязал восстановить посты на дорогах и бойцов и командиров 119 сбр направлять в район восточнее Касторное, где было собрано до 500 человек и обоз. Через некоторое время я нашел командование бригады и был информирован о бригаде, ее боевых действиях. Командир 119 сбр был жив, его «якобы убило» была выдумка капитана Горбачева»²⁵.

К началу боев 119 сбр была в резерве 40 А и занимала оборону на реке Кшень, непосредственно впереди 284 сд. Отсюда до оборонительного рубежа дивизии оставалось около 20 км. Уже на второй день вражеского наступления в выдвинутых вперед полках дивизии слышали подходящий с запада гул боя – фронт приближался. В занимавших оборону подразделениях возрастала тревога и напряжение, все сходило к тому, что боя теперь было не

²⁵ Там же, л. 305.

избежать. Однако тревожное ожидание в подразделениях никак не влияло на четко налаженную работу штаба дивизии. На фоне все более охватывающего 40 А беспорядочного отхода на восток, потери связи и управления, запоздавших донесений или вообще их полного отсутствия, оперсводки дивизии удивляют четкостью, детальностью, обстоятельностью и полным отсутствием какой-либо нервозности и тревоги. Они составлены со знанием дела и ясным пониманием необходимости и важности подробного и своевременного информирования вышестоящих штабов о положении на участке дивизии. Такое образцовое ведение оперативных документов в первую очередь связано с именем начальника штаба 284 сд – майора Корша, и, прежде чем мы приступим к исследованию боев за Касторное, нам не обойтись без краткого рассказа о нем²⁶.

Владимиру Петровичу Коршу было 42 года, и за его плечами осталась насыщенная событиями жизнь. Он родился в дворянской семье в Грузии в 1900 году, затем оказался в России, где в 16 лет окончил Выборгское коммерческое училище. Шла Первая мировая война, и юный Владимир решил, что не может остаться в стороне от защиты Родины в трудную для нее минуту. В 17 лет, явно опираясь не только на диплом коммерческого училища, но, скорее, на знания и развитый кругозор – результат его домашнего воспитания и образования, он сдает экзамены при 8-м запасном кавалерийском полку и получает звание прапорщика. Прослужив год и месяц в так называемой старой армии, 18-летний Владимир Корш становится корнетом в 12-м гусарском Ахтырском полку. А затем старая армия быстро и необратимо разваливается, вслед за чем невозвратно разваливается и вся страна. И некогда единое и неделимое слово «Родина» вдруг оказывается разделенным на два враждебных и непримиримых понятия, а жизнь – на две нестираемых временных метки: до и после. И в 18 лет Владимир Корш оказывается перед, казалось бы, мучительным выбором – что теперь он должен считать своей Родиной и от кого ее защищать? Но, судя по всему, свой выбор юный корнет сделал, долго не раздумывая, окончательно и бесповоротно: 25 апреля 1918 года он поступил на службу в РККА, в кавалерийский дивизион им. Володарского, и вскоре вступил в партию большевиков. А дальше началась жестокая круговерть русской Гражданской войны, которой ему довелось хлебнуть с достатком.

Летом 1918 года красноармеец Корш воюет на Восточном фронте против «белочехов» и в одном из боев получает ранение в грудь. Затем он 8 месяцев учится в «образцовой кавалерийской школе» Красной армии и в апреле 1919 года возвращается на фронт – командиром дивизиона 47 сд, с которым воюет сначала против Петлюры, а потом – против Деникина, получив в боях контузию. Из книги Г. Хоботова следует, что В. П. Корш в Гражданскую войну принимал участие в боях за станцию Касторная, что, очевидно, было именно в период боев с Деникиным летом – осенью 1919 года²⁷. В 1920 году Владимир Корш уже сражается против «белополяков» на Западном фронте, где в 20 лет командует кавалерийским полком!

Спустя 5 месяцев, не достигнув 21 года, бывший дворянин Корш становится уже командиром отдельной Кабардино-Балкарской бригады на Северном Кавказе, где борется с выступившими против советской власти повстанцами. В боях 1920 года Корш был еще раз контужен и еще раз ранен, на этот раз – в голову.

В мае 1921 года он командует 14-й отдельной кавбригадой и воюет с тамбовскими крестьянами, подавляя восстание Антонова. Бои гражданской войны заканчиваются для краскома Корша только в августе 1921 года, когда он поступает в Военную академию РККА. Однако по недоброй иронии судьбы Гражданская отнюдь не закончилась для молодого красного командира с окончанием боев. Более того, то, на что в пекле войны с белыми попросту закрывали глаза, теперь, с ее окончанием, стало для победившей власти весьма подозрительным. В

²⁶ Данные взяты из хранящейся в ЦАМО учетно-послужной карточки.

²⁷ Г. Ю. Хоботов. Касторное в огне. М., 2008. С. 122–123.

парторганизации академии Генштаба коммунисту с трехлетним партийным стажем вдруг припомнили лихой эпизод бурного 1920 года – брак с молодой женой, когда 20-летний комбриг умудрился влюбиться и, как этого и можно было ожидать от человека из благородного сословия, оформил свои отношения подобающим образом, женившись на возлюбленной между боями (повсеместно распространенная в последующем манера многих красных командиров не жениться, а возить с собой ППЖ – походно-полевых жен, видно, никак не соответствовала представлениям бывшего царского корнета о порядочности).

Казалось бы, что ж тут такого: женился – дело личное, ведь никакого «бытового разложения» нет, все честь по чести! Ан нет! Брак-то у краскома был церковный, а к такой проблеме парторг академии безучастным оставаться не может! В стране победившей диктатуры пролетариата это уже стало крамолой! А тут еще одно грязное пятно – умудрился же бывший комбриг иметь враждебное отношение к помощнику Троцкого Блюмкину, с которым ему довелось учиться в академии! (Видно, имевшему определенные нравственные принципы Коршу уже тогда была видна моральная беспринципность иных прославленных борцов за мировую революцию.)

Этих двух «грехов» парторганизации академии с лихвой хватило, чтобы исключить дважды раненного и контуженного комбрига из партии. Времена менялись, и бдительные коммунисты в академии держали нос по политическому ветру! Когда в 1922 году по приказу РВС СССР Корш запоздало был награжден орденом Красного Знамени, он получал его уже беспартийным!

(Вот уж, действительно, неисповедимы были пути советской власти: в не таком уж и далеком будущем тысячи коммунистов не только «вылетят» из партии за НЕвраждебное отношение к Троцкому и всем его сторонникам, но и поплатятся за это жизнью! Не пройдет и нескольких лет, как эти коммунисты (уж наверное, и те, кто исключал в академии слушателя Корша!) должны будут до изнеможения кричать о своем враждебном отношении к Троцкому и компании, чтобы только уберечь свои головы от сталинской плахи! Но об абсурдном по новым временам обвинении 1921 года (если не сказать – о прозорливом проявлении бдительности в раскрытии хитро затаившегося врага!) в лютые тридцатые уже никто не вспомнит...)

Так, вступив в партию большевиков на фронте в горячечном 1918 году, после трех лет боевого партийного стажа коммунист Корш стал коммунистам победившей Советской республики не нужен.

Беспартийный теперь краском Корш, тем не менее, заканчивает академию, но все более твердеющий классовый подход новой власти настигает его еще раз: в марте 1924 года отучившегося 4 года в академии РККА боевого командира Корша В. П. увольняют из армии вообще без звания! Бывший прапорщик, корнет, комполка и комбриг был вынужден искать себя в гражданской жизни, которой не знал с 17 лет. Тем не менее образование, этот золотой капитал эпохи ранней советской власти, позволяло даже бывшему представителю дворянства найти достойную работу и при новом строе: Корш поступает на работу на киностудию «Ленфильм»²⁸!

Но через 10 лет советская власть снова вспомнила про краскома Корша, которого она когда-то в борьбе за чистоту классовых рядов безжалостно выгнала из Красной армии. Теперь он вновь стал ей нужен. И в 1934 году бывшего комбрига с навсегда запятанным соцпроисхождением «из дворян» призывают на сборы в... пограничную школу НКВД! После сборов командир запаса войск НКВД получает должность лектора бюро и старшего консультанта городской школы ПВХО. На этой работе ему удастся благополучно пережить лихие годы кро-

²⁸ По воспоминаниям комиссара штаба 284 сд А. П. Левыкина, Корш за те годы своей вынужденной гражданской жизни поднялся по служебной лестнице до должности заместителя директора Ленинградской киностудии (Архив ИРИ РАН фонд 2, раздел 1, опись 31, дело 19, л. 1).

вавых чисток, когда, казалось бы, одна только графа о его «крамольном» соцпроисхождении могла стоять ему не только политически ответственной должности, но и головы.

В декабре 1940 года В. П. Корш проходит переучет, признается годным к военной службе и получает звание майора. Затем в его новой военной карьере происходит стремительный взлет – он становится начальником штаба Ленинградского военного округа! Из документов не ясно, как и где майор Корш встретил войну. 30 апреля 1942 года он становится начальником штаба Сибирского военного округа, а 27 мая назначается начальником штаба 284 сд. (Необходимо отметить, что, согласно учетно-послужной карточке, майору Коршу еще 5 мая 1942 года было присвоено воинское звание подполковника, однако тот факт, что в документах июля 1942 года он «проходит» как майор, в том числе и в документах, подписанных им лично, наводит на мысль, что присвоенное ему новое офицерское звание по каким-то причинам так и не «дошло» до начштаба 284 сд.)

В дивизию майор Корш прибывает уже после ее формирования, когда она находилась в резерве Брянского фронта на участке 48 А²⁹. И вот теперь, спустя месяц, 284 сд оказалась на направлении наступления врага и из тыловой дивизии фронтового резерва стала, никуда не двигаясь, дивизией первого эшелона.

С каким настроением личный состав 284 сд готовился вступить в бой? Выше уже шла речь о реакции бойцов и младших командиров на приближение врага и очевидную неизбежность боев. Но в каком настроении ожидало начала боев командование дивизии? Казалось бы, ответ на этот вопрос ясен: если даже новобранцы 284 сд были уверены в себе, то еще большей уверенностью должно было обладать умудренное опытом и сплоченное единой задачей и ответственностью командование дивизии! По крайней мере, к такому заключению можно прийти, читая воспоминания, статьи и книги о 284 сд. Но в этом вопросе все было далеко не так однозначно, как это представляется на первый взгляд.

Возможно, прояснить истину в вопросе о взаимоотношениях и действиях командования 284 сд помогли бы послевоенные мемуары, но, к сожалению, никто из командования дивизии не оставил потомкам своих воспоминаний, а ее командир и начальник штаба вообще не дожили до Победы. Тем не менее в распоряжении современных исследователей есть очень ценный документ, который позволяет нам лучше понять, что происходило в те дни в дивизии, и узнать о существенных деталях и подробностях, которые в силу различных причин остались за рамками дивизионных документов. Речь идет о подробной и объемной докладной записке командированного в 284 сд представителя политуправления Брянского фронта батальонного комиссара В. В. Голицына, которая хранилась в ЦАМО в засекреченных фондах Брянского фронта вплоть до конца XX века (а в начале XXI века засекреченных опять!) и поэтому была недоступна рядовым исследователям.

Батальонный комиссар Голицын прибыл в 284 сд в самый первый день немецкого наступления, 28 июня 1942 года, и до вступления дивизии в бой успел ознакомиться с ходом парт-

²⁹ Впоследствии в дивизионном историческом сборнике (увы, с неточностями и досадным налетом дежурной официозности) комиссар штаба 284 сд писал: «С первых же дней тов. Корш с присущей ему кипучей энергией взялся за сколачивание штабов. День за днем работа спорилась, люди быстро овладевали своим делом и становились на свои места. Часто можно услышать от командиров, с кем только приходилось встречаться майору Корш – говорили: “Человек большой воли, знаток военного дела, человек со светлым разумом”. Поступил приказ выступить на фронт. У майора Корша – веселая улыбка на лице: “Поздравляю вас, товарищи, со знаменательной датой – нашей отправки на фронт” – сказал присутствующим товарищам. Все готово, эшелон за эшелона дивизия двинулась на запад. Дорогой Владимир Петрович делился с командирами о боевом опыте Гражданской войны, прочитал 1–2 лекции командному составу по тактическим вопросам современного боя. (Надо думать, лекции и беседы об опыте Гражданской войны начштаба проводил с сослуживцами не в дороге, а уже на фронте. – И. С.) Тов. Корш хороший был методист, тактик, прекрасная логика изречения, каждому было понятно, хотелось слушать и слушать, когда он читает лекцию или делает доклад. [...] Во второй половине июня получен приказ от командования Брянского фронта – оборонять касторненский участок. Узнав о приказе, Владимир Петрович был в восторге, что трудно передать на словах: “Снова я буду драться на знакомой местности, этот путь, пройденный мною 23 года тому назад с 1-й конной армией!”» (Архив ИРИ РАН, фонд 2, раздел 1, опись 31, дело 16, л. 22–23).

политработы в ее частях и подготовкой их к боевым действиям. В целом он остался доволен увиденным: *«Политотдел дивизии, политаппарат полков проделали большую работу по воспитанию бойцов и командиров в духе их преданности нашей Родине и стойкости в борьбе с немецкой армией. Партиполитработа велась непрерывно по всем звеньям, начиная от агитаторов и кончая политотделом дивизии. Работа проводилась по плану политотдела дивизии, комиссаров, партийных и комсомольских организаций частей по обсуждению важнейших вопросов нашей партии, правительства и приказам НКО тов. Сталина, а также обсуждались вопросы непосредственных задач, которые стояли перед дивизией. Хорошая партийно-политическая и военно-воспитательная работа в частях дивизии подготовила условия к решительной борьбе с немецко-фашистской армией бойцов, командиров и политработников...»*³⁰

*«Политотдел дивизии за два дня до вступления дивизии в бой распределил работников политотдела по частям дивизии... Находясь в частях, работники политотдела проводили беседы с бойцами, как вести себя во время воздушной атаки противника и как организовать борьбу с танками, и другие беседы, направленные на стойкость и мужество и решительность в борьбе по уничтожению немецкой армии»*³¹.

Но отмечая все это, батальонный комиссар Голицын вместе с тем заметил и несработанность командования дивизии, что не могло не вызывать беспокойства накануне первого серьезного боя. Более того, на основании штабной документации, личных наблюдений и бесед с командирами и политработниками он констатировал очевидную натянутость в отношениях командира дивизии и начальника штаба, с одной стороны, и командира и комиссара дивизии – с другой стороны. Причем эта натянутость в их отношениях была настолько очевидной, что сразу бросилась в глаза внимательному наблюдателю.

Голицын отмечал: *«В личной беседе с командиром дивизии подполковником тов. Батюк, который выразил, что он на дивизию и ее успех полностью не располагает лишь по одной причине, что он не доверяет в работе начальнику штаба дивизии и, во-вторых, не имеет поддержки от комиссара дивизии в работе.*

На самом деле тов. Батюк, молодой командир дивизии, очень груб в обращении с подчиненными и большой администратор. Он за короткое время, примерно трех месяцев, наложил взысканий на командиров полков от 4 до 6 на каждого. Впрочем, организаторских способностей в руководстве дивизии имеет недостаточно, и особенно в руководстве боем. Комиссар дивизии, бригадный комиссар Зубков, тоже недооценил свою дивизию, ссылаясь на то, что дивизия в боях не участвовала, что нет слаженности в работе его с командиром дивизии. Они каждый работали самостоятельно, не информировали друг друга и не советовались, как лучше устранить те или другие недостатки в практической работе.

---

³⁰ ЦАМО, фонд 202, опись 36, дело 129, л. 320.

³¹ Там же, л. 327.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.